

КАБАНЕН Инна,

магистр философских наук, аспирант кафедры русского языка факультета современных языков Хельсинкского университета; Хельсинки, Финляндия; Soihtulantie 3, 07820 Porlammi, Suomi — Finland; тел.: +358505583108; e-mail: inna.kabanen@helsinki.fi

ИСКУССТВО ГОВОРИТЬ ПО-ОДЕССКИ: ОДЕССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ИСААКА БАБЕЛЯ КАК «ФИКСИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОГО ИСКУССТВА» В ТЕЛЕВИЗИОННО-КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Цель настоящей статьи — установить, являются ли определённые фразы на так называемом «одесском языке» в *Одесских рассказах* Исаака Бабеля отражением реальности, отражением мифа или исключительно художественным произведением. Для достижения данной цели в статье *демонстрируются* способы представления этих фраз в таких экранизациях *Одесских рассказов*: «Беня Крик» (1926), «Искусство жить в Одессе» (1989), «Биндюжник и король» (1989) и «Закат» (1990). *Новизна* настоящего исследования заключается в том, что мы рассматриваем вышеуказанные фразы как «фиксированные единицы языкового искусства», которые используются в фильмах как маркеры и применяются в орнаментальном предназначении, а также как определители места действий повествования, добавляя одесский колорит. Для начала мы анализируем основные характеристики каждого из фильмов, их совпадения и различия, далее мы рассматриваем, как цитаты из произведений И. Э. Бабеля внедряются в экранизированные диалоги. *Результаты* анализа показывают, что в более современных экранизациях наличие фиксированных единиц языкового искусства особенно частотно, хотя изначальный текст и повествование значительно изменены и приближены к нормам русского литературного языка. *Выводы* констатируют, что, несмотря на то, что в фильмах «одесский язык» И. Э. Бабеля представлен как художественная речь и отражение мифа, не исключена возможность изначального отражения им местных городских речевых реалий первой четверти XX века.

Ключевые слова: Исаак Бабель, Одесса, «одесский язык», искусство, русская городская речь, синестетическая метафора, миф.

Статью отримано 27.04.2021 р.

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237849

УДК [811.111+811.161.1]'255.2/.4'362:821.111»18»Ch. Brontë

ПАРАХОНЬКО Людмила Вячеславовна,

ассистент кафедры славистики Бельцкого государственного университета имени А. Руссо; ул. Пушкина, 38, г. Бельцы, 3100, Молдова; e-mail: parakhonko91@mail.ru; тел.: +373 78690238; ORCID ID: 0000-0002-7010-3107

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ФРЕЙМОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»)

Аннотация. Цель статьи — провести сопоставительный анализ концептуально-фреймового конструирования женской идентичности (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»). *Объект* исследования — акцентуализация концептуально-когнитивного фрейма «Идентичность женщины» в английской и русской лингвокультуре; *предмет* — сопоставительный анализ оригинального и переводного текстов. В работе использованы *методы* контрастивного и контекстуального анализа. *Результатом* проведённого исследования является рассмотрение амбивалентности в отношении к женской идентичности, которая воспринимается как закрепление женского индивидуума за определённой личной и социальной позицией, подчёркивается важность тавтологических и плеонастических компонентов, выражающих определённые смыслы, выявлен проблематический аспект исследования, намечены перспективы решений. *Выводы.* Перевод романа «Джейн Эйр» отражает языковое сознание И. И. Введенского, которое отличается от опыта и знаний автора оригинального произведения. Это даёт возможность идентифицировать языковую личность переводчика, что считается неприемлемым, поскольку в переводе искажается понимание женской сути, домысел переводчика отчасти нивелирует замысел автора. *Результаты* работы могут быть использованы в *практике* преподавания лингвокультурологии, теории перевода и в переводческой работе.

Ключевые слова: концептуально-когнитивный фрейм, женская идентичность, тавтология, плеоназм, оригинальный текст, переводной текст, Шарлотта Бронте, роман «Джейн Эйр».

Постановка проблемы. Роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» во время его опубликования вызвал к себе повышенный интерес общества, т. к. в произведении создаётся образ «непримиримой Джейн», своеобразной, вроде бы семейной, домашней бунтарки, восстающей против любых форм угнетения. Это значит, что образ Джейн воспринимался как образ нового человека, а не только «новой женщины» [16, с. 54–55].

Несмотря на то, что в середине XIX — начале XX века в Англии и России процветал суфражизм (от англ. *suffrage* — 'право голоса'), целью которого было наделить женщин гражданским правом, состоящим в участии в голосовании, а также другими правами, которыми уже владели мужчины (право на образование, собственность, и т. д.) [11, с. 2], в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» под феминизмом следует понимать определённую теорию и практику, направленную на освобождение женщин от мужского превосходства, зависимости, угнетения и предрассудков. Здесь необходимо сделать небольшую оговорку: практическая реализация идей феминизма у Джейн заключается только в том, что она предпринимает лишь незначительные меры по утверждению собственной личности, которая ничем не отличается от личности мужчины; намечает шаги к реализации женского освободительного движения, призванного кардинальным образом изменить весь патриархальный строй. Но сама героиня не пытается искоренить или изменить сложившуюся викторианскую модель патриархального общества. Изменения затрагивают только её жизнь и не переносятся на устройство социума в целом. Более того, Джейн следует сформировавшейся морали, но относится к ней избирательно. Так, в романе Ш. Бронте описывается дуализм женского мировосприятия: с одной стороны, Джейн считает, что жизнь женщины не ограничивается супружеством; с другой же, — она полностью не отказывается от супружества. Джейн принимает брак только как союз, признающий равноправие обоих супругов, отрицающий субъектно-объектные отношения, которые являются неравными в социальном плане. Следовательно, в патриархальном мире зарождаются новые ценности [14, с. 33–34]. Понять специфику, особенность идентичности Джейн как человека-женщины («новой эпохи») представляется возможным при помощи выстраивания сложного многоуровневого концептуально-когнитивного фрейма, а также с опорой на компоненты семантической избыточности (тавтологию и плеоназм), создающие знаковую ситуацию, позволяющую углубиться в свойства целостного объекта, объяснить феномены мышления и сознания.

Постановка задач. Предлагаемая статья посвящена изучению концептуально-фреймового конструирования женской идентичности на материале оригинального дискурса романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» и его первого перевода И. И. Введенского. Взгляд на перевод художественного текста как «отзеркаливание» когнитивной картины мира позволяет мотивировать актуальность предложенной темы, которая состоит в необходимости исследовать соответствия и различия в интерпретации действительности автором оригинального произведения и его переводчиком. Данное обстоятельство делает возможным проанализировать проблему взаимоотношений языка и человека, которая охватывает не только современное языкознание, но и переводоведение. Цель нашей работы заключается в проведении на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» сопоставительного анализа концептуально-фреймового конструирования женской идентичности и описания его результатов. В работе использованы методы контрастивного и контекстуального анализа.

Обзор предыдущих исследований. Изучению когнитивных процессов в языке и сущности фрейма посвятили свои исследования многие ведущие учёные российской и зарубежной науки о языке: Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, А. П. Бабушкин, В. В. Красных, М. Минский, Ч. Филлмор, Т. А. ван Дейк и др.

Так, понятие «фрейм» ввёл в 1974 г. американский учёный Марвин Ли Минский, исследовавший проблемы искусственного интеллекта и способы представления знаний в компьютере [12, с. 122–124]. В основе теории фреймов лежит гипотеза о том, что *знания о мире состоят из структурных ячеек, стереотипных ситуаций — фреймов*. Данную точку зрения разделяет и Тён Адрианус ван Дейк.

Чарльз Дж. Филлмор в ранних работах исследовал трансформационный синтаксис, синтаксические фреймы и средства выражения концептуально-когнитивного фрейма, в частности глагольную дистрибуцию. Затем понятие «фрейм» было использовано при описании семантической валентности глаголов и падежных фреймов [13, с. 77]. Позднее учёный пришёл к пониманию фрейма как когнитивной структуры, закреплённой через язык.

Для Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкова фрейм — набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний в качестве альтернативы для семантических сетей или для исчисления предикатов (утверждение, высказанное о субъекте); набор сущностей, по предположению исследователя, существующих в описываемом мире» [10, с. 187]. Кроме того, фрейм — это «организация представлений, хранимых в памяти (человека и / или компьютера), а также организация процессов обработки и логического вывода оперирующих над этим хранилищем [10, с. 187], равно как и результат такой организации: многокомпонентный концепт, который мыслится в целостности его составных частей, как объёмное представление [15, с. 84], которое хранится в памяти или создаётся в ней по мере необходимости из содержащихся в памяти компонентов [21, с. 87–93].

Это значит, что Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков развивают представление о фрейме как М. Минского, так и Ч. Филлмора, потому что интегрируют, объединяют формальный язык (множество конечных слов (строки, цепочки) над конечным алфавитом), имеющий отношение к информатике и теории вычислимости, и естественный язык, позволяющий концептуализировать знания о мире, следовательно, естественный язык также можно описать в терминах арности предиката, его валентности (предикат с *n*-аргументами), что, безусловно, свидетельствует о его вместимости.

Однако в настоящей работе мы придерживаемся точки зрения В. В. Красных: «фрейм имеет иерархическую (атомарную) организацию, как правило, пирамидальной формы, на нижнем уровне которой расположены терминалы» [9, с. 166–169]. Кроме этого, под фреймом подразумеваем разновидность (гипероним) концепта, объёмное представление, совокупность стандартных знаний о предмете или явлении, тематически единой ситуации. Концептуально-когнитивный фрейм «Женщина» — типовая когнитивная категория, которая несёт в себе стереотипную информацию об одноимённом таксономе (группа в классификации, совокупность предметов). Данные знания об изучаемой проблеме возникают благодаря ассоциативным связям и наличию у индивида определённого опыта восприятия и понимания женщины. Важно эмфазировать, что создавать каркас гиперфрейма «Женщина» мы будем при помощи вершинных узлов (ядра когнитивной структуры), содержащие все данные, всегда справедливые для данной ситуации, и терминальных узлов (слотов, подфреймов), которые, заполняясь данными из определённой ситуации, пропозиции, пунктируют, прорисовывают его периферию [20, с. 155].

Изложение основного материала. Итак, рассмотрим образ героя нового времени в оригинальном и переводном текстах.

При описании того, какие книги любит читать Джейн Эйр, И. И. Введенский опустил наименование некоторых книг, а именно Откровение, книгу Бытия, книгу Самуила и книгу Царей:

Оригинал	Перевод
12. «I like Revelations, and the book of Daniel, and Genesis and Samuel, and a little bit of Exodus, and some parts of Kings of Chronicles, and Iob and Ionah» [25, с. 45] (букв. Я люблю читать Откровение, книгу пророка Даниила, книгу Бытия и книгу Самуила, а также немного Исход и некоторые части из книги Цари из книги Иова, а также из книги пророка Ионы).	«Люблю, сэр, особенно книгу Иова, Даниила, Исход и книгу пророка Ионы» [3, т. 64, с. 199].

Мы считаем этот пропуск не совсем уместным, т. к. в названиях книг заключена информация, позволяющая лучше понять психологию Джейн, которая объясняет нам причину возникновения её протеста в романе. Так, в Откровении сказано, что второе пришествие Иисуса Христа будет радостным для христиан и, в то же время, страшным и грозным для нехристиан, поскольку теперь Христос придёт судить мир [24, с. 1205–1223].

Книга Бытия (первая книга Пятикнижия (Торы)) повествует о происхождении мира, происхождении еврейского народа и человечества в целом. Необходимо уделить наибольшее внимание VI главе Бытия, в которой рассказано о Всемирном потопе как наказании Господнем за грехи человечества [6, с. 412–428].

В книге Самуила (восьмой книге еврейской канонической Библии) и книге Цари повествуется о создании израильской монархии, охватывая историю правления Самуила (последнего из судей, пророка в древнем Израиле (11 в. до н. э.)), Саула и Давида. В книге красной нитью проходит мысль о том, что Бог участвует в судьбе народа, используя некое посредничество [24, с. 290–388].

Книга Цари является своего рода продолжением Книги Самуила, т. к. она рассказывает о правлении Соломона, сына Давида. В I Книге Цари образ Соломона не идеализирован; подчеркиваются его грехи: Соломон не только сочетался браком с иноплеменницами, но и построил для них несколько языческих капищ в Иерусалиме [19, т. 8, с. 421–425].

II Книга Цари завершается рассказом о захвате Иерусалима Навуходоносором, разрушении Храма и выселении значительной части жителей Иудеи в Месопотамию [22, т. 9, с. 1004].

Следует отметить, что, кроме этих книг, Джейн Эйр читала ещё Исход (вторую книгу Пятикнижия (Торы)), книгу пророка Даниила, книгу Иова и книгу пророка Ионы. Так, в книге Исход говорится о том, как Моисей спас сынов Израилевых от гнёта египетского фараона и о наказании Египта 10 казнями из-за ослушания фараона [24, с. 63–73]. В книге пророка Даниила рассказано об освобождении иудеев из вавилонского плена, который длился 70 лет, и возвращении их в Иерусалим [24, с. 857–874]. В книге пророка Ионы повествуется о том, как Бог простил язычников-ниневийцев (жители Ниневии, будущей столицы Ассирии), а также об их покаянии в ответ на проповедь Ионы. Таким образом, здесь открывается мысль о всеобъемлющей любви Бога [24, с. 893–895].

В книге Иова содержится идея о том, что даже в моменты горя и отчаяния мы не должны отречься от Бога. Само познание должно быть таково, чтобы добро не противопоставлялось злу, чтобы они не считались по очкам — деяния против воздаяний, — но чтобы всё это служило единению жизни [23, с. 198].

Таким образом, исходя из описания данных книг, мы можем прийти к выводу о том, что их объединяет одна общая мысль: Бог не оставляет несчастных невинных людей и рано или поздно наказывает нечестивых. Следовательно, читая вышеупомянутые книги, Джейн верила и в своё спасение, и в возмездие.

Возможно, И. И. Введенский пропустил данные религиозные книги по причине личного характера: ему никогда не нравилось учиться в Московской духовной академии. Он хотел изучать европейскую словесность, на которую там не обращали никакого внимания.

В оригинале используется полисиндетон, т. е. повторение союза «and (и)», значение которого заключается в усилительно-выделительной функции. Таким образом, данная изонимическая реинтерпретация (дословный повтор) служит стилистическим целям, является одним из способов усиления признака (амплификацией), а также имеет общую психологическую основу — задержку и концентрацию внимания на важном представлении, следствием чего является действие функции усиления эмоций, чувств (данная стилистическая фигура прибавления увеличивает интенсивность изображаемой эмоции, демонстрирует многообразие переживаний). В переводе указанная целостность наглядно-образной картины ментального мира Джейн нарушается, приобретает деструктивный характер и дискретность.

Необходимо отметить, что здесь же в реплику героини, обращённую к мистеру Брокхёрсту, наставнику Ловудской школы, И. И. Введенский добавляет обращение «сэр». Это не совсем верно, т. к. употребление данной этикетной формулы делает героиню более вежливой, чем в оригинале. Это сглаживает проявления независимости Джейн, т. к. в оригинальном произведении она пренебрегает возрастом и положением собеседника, относится к нему как к равному.

Говоря о решении, которое приняла Джейн, чтобы избежать насилия и угнетения, переводчик добавляет категорию состояния «нет» и наречия «несправедливо, бесчеловечно»:

Оригинал	Перевод
23. «Unjust! — Unjust! said my reason... And Resolve, equally wrought up, instigated some strange expedient to achieve escape from insupportable oppression — as running away, or, if that could not be effected, never eating or drinking more, and letting myself die» [25, с. 23], (букв. Несправедливо! — Несправедливо! — говорил мой разум ... И вот решение, принятое в результате нервного напряжения, подсказанное возможностью убежать от невыносимого гнета, — бежать прочь, или, если не получится, то никогда не есть и не пить и позволить себе умереть).	«— Нет, это несправедливо, это бесчеловечно! говорил мой рассудок, побуждённый агонией сердца к стремительной деятельности. — Этого не может и не должно быть, и я сама обязана положить конец своим мучительным пыткам. Бежать из этого дома куда бы то ни было, на тот край света, если можно, или, уморить себя с голода, отказавшись однажды навсегда от пищи и питья!..» [3, т. 64, с. 183].

Это сохраняет градацию, существующую в оригинале, но также характеризует обидчиков Джейн как людей несправедливых и бесчеловечных, чего нет в оригинале. При этом переводчик вводит причастный оборот «побуждённый агонией сердца к стремительной деятельности», что делает мучения Джейн ещё более невыносимыми по сравнению с оригиналом. Здесь же Иринарх Иванович вводит способ каузации «с голода», который может привести к потенциальному результату — смерти Джейн, и наречие «однажды». Это не совсем верно, потому что создаётся большая драматизация положения Джейн, чем в оригинале.

Необходимо эмфазировать, что вышеупомянутые однородные по составу элементы «уморить себя с голода, отказавшись от пищи» функционируют как семантическая тавтология, которая характеризуется «пересказом» предыдущей мысли, используя языковые средства. Однако нельзя сказать, что новизна смысла является кажущейся, т. к. диктум (сущность логической операции, производимой говорящим с одним или несколькими объектами внеязыкового мира) несколько инвертирует иерархические отношения между компонентами высказывания, затрагивая при этом и модальность переводного текста: в сравнении с оригиналом возрастает категоричность в оценке происходящего.

Кроме этого, в вышеописанный фрагмент Введенский добавил две предикативные единицы: 1) «Этого не может и не должно быть», 2) «и я сама обязана положить конец своим мучительным пыткам»:

Оригинал	Перевод
25. «Unjust! — Unjust! said my reason... And Resolve, equally wrought up, instigated some strange expedient to achieve escape from insupportable oppression — as running away, or, if that could not be effected, never eating or drinking more, and letting myself die» [25, с. 23]. (букв. Несправедливо! — Несправедливо! — говорил мой разум ... И вот решение, принятое в результате нервного напряжения, подсказанное возможностью убежать от невыносимого гнёта, — бежать прочь, или, если не получится, то никогда не есть и не пить и позволить себе умереть).	«— Нет, это несправедливо, это бесчеловечно! говорил мой рассудок, побуждённый агонией сердца к стремительной деятельности. — Этого не может и не должно быть, и я сама обязана положить конец своим мучительным пыткам. Бежать из этого дома куда бы то ни было, на тот край света, если можно, или, уморить себя с голода, отказавшись однажды навсегда от пищи и питья!..» [3, т. 64, с. 183].

Этого нет в оригинале, следовательно, И. И. Введенский допускает некую вольность при передаче оригинала на язык аналога. Полагаем, что переводчик усиливает эмоциональность, драматизм Джейн с целью апеллирования к чувствам читателей по отношению к героине.

Здесь же, описывая желание Джейн бежать от невыносимого гнёта, переводчик добавляет однородные обстоятельства «бежать куда бы то ни было, на тот край света», что делает градацию более выразительной, чем в оригинале, и приближает её к российским реалиям — используется выражение «на край света».

При передаче беседы Бесси и Джейн о наружной привлекательности последней И. И. Введенский добавил две предикативных единицы: «— Да вы совсем недурны, мисс Дженни» и «Ну, разумеется, красавицей вам нельзя быть»:

Оригинал	Перевод
30. «No, Miss Jane, not exactly: you are genteel enough; you look like a lady, and it is as much as ever I expected of you: you were no beauty as a child» [25, с. 101], (букв. Нет, мисс Джейн, не совсем: Вы достаточно изящны; Вы выглядите как леди, и это даже больше, чем я могла от Вас ожидать: в детстве Вы не были красивым ребёнком).	«— Да вы совсем недурны, мисс Дженни; могу даже сказать вы очень милостивы и смотрите, как знатная дама. Ну, разумеется, красавицей вам нельзя быть: вы и девочкой были не очень красивы» [3, т. 64, с. 249].

Это не совсем верно, т. к. в переводе устанавливаются причинно-следственные связи, которые отсутствуют в оригинале, а именно то, что героиня в детстве не отличалась красотой и поэтому ей не суждено стать красавицей; делается акцент на генотипе героини, лежащем в основе её генетической индивидуальности.

Описывая внешность Джейн в данном фрагменте, И. И. Введенский вводит также определение «знатная» существительному «дама»: «... you look like a lady ...»: «... могу даже сказать вы очень милостивы и смотрите, как **знатная** дама». Это не совсем верно, т. к. переводчик обращает внимание на статус героини. Так, по данным СЦРЯ, одним из значений лексемы «знатный» является «славный, знаменитый, отличный» [18, т. 2, с. 93].

Ш. Бронте обращает внимание на женственность героини. Так, по данным словаря Webster (1890) [27], одним из значений лексемы «lady» является «a woman or refined or gentle manners», т. е. изящная женщина или женщина, обученная правилам хорошего тона. Это объясняется тем, что в Англии XVIII–XIX вв. существовал определённый идеал женского поведения, канон истинной леди, следовать которому девочки должны были с ранних лет: «содержать себя в чистоте, быть утончёнными, изящными, элегантными, тихими и спокойными» [4, с. 95].

При описании Джона Рида И. И. Введенский добавил к упомянутым Нерону и Калигуле ещё одного римского императора Тиберия, который был известен своей жестокостью и насилием [7, с. 325–327.]:

Оригинал	Перевод
22. «Wicked and cruel boy!» I said. «You are like a murderer — you are like a slave-driver — you are like the Roman emperors!» I had read Goldsmith's History of Rome, and had formed my opinion of Nero, Caligula, etc. Also I had drawn parallels in silence, which I never thought thus to have declared aloud» [25, с. 16].	«— Жестокий, безжалостный злодей! вскричала я: — ты хуже Нерона, Калигулы, Тиверия! На этот раз я пересилила свой страх, и отважилась на борьбу» [3, т. 64, с. 179].

Нерон (54–68 гг.) славился грабежами и бесчисленными казнями, а Калигула (Гай Юлий Цезарь Август Германик) (37–41 гг. н. э.) — сумасшествием» [17, с. 19–59]. Добавив в этот ряд Тиберия, славившегося, как и Нерон, грабежами и бесчисленными казнями, Иринарх Иванович Введенский тем самым, по сравнению с оригиналом, интенсифицировал градацию. Это, в свою очередь, делает положение Джейн ещё более тяжёлым, чем в оригинале. Кроме того, И. И. Введенский производит грамматическую замену (морфологическую): он выделяет Джона из числа римских императоров, используя форму сравнительной степени прилагательного. В оригинале же употребляются конструкции соответствия, тавтологичные сравнения *you are like* — «ты такой же, как», что не выделяет Джона из числа данных императоров, а уравнивает его с ними. Таким образом усиливается экспрессия: переводчик наделяет Джона ещё более отрицательными качествами по сравнению с названными злодеями.

Описывая нежелание Джейн оставаться в долгу перед добротой семейства Риверсов (Сент-Джона, Мэри и Дианы), переводчик вместо словосочетания «to be independent» употребляет глагол «оставить»:

Оригинал	Перевод
54. «You desire to be independent of us?» [25, с. 444]. (букв. Вы желаете не зависеть от нас)».	«Одним словом, мисс Эллиот, вы желаете нас оставить чем скорее, тем лучше?» [3, т. 66, с. 222].

Данная замена является не совсем верной, т. к. мысль о нежелании Джейн более подчиняться определённым обстоятельствам представлена несколько завуалированно. Так, по данным DEL, одним из значений выражения «to be independent» является ‘subject to no superior authority’ [28, с. 383], т. е. не подчиняться вышестоящей власти. По данным СЦРЯ, одним из значений лексемы *оставить* является «выбыть» (в значении «оставить службу») [18, т. 3, с. 87].

Передавая разговор между кузеном Джейн, мистером Риверсом, и ею самой, в котором продолжается тема назначения жизни героини, И. И. Введенский вместо словосочетания «mental endowments» использует бином «душевные дары»:

Оригинал	Перевод
55. «It is but mental endowments they have given you...» [25, с. 512]. (букв. Вы одарены умственными способностями...).	«...вы с избытком наделены душевными дарами...» [3, т. 66, с. 280].

По данным DEL, значением словосочетания «mental endowments» является ‘intellectual gifts of nature, т. е. природная одарённость умственными способностями’ [28, с.с. 246, 361]. Одним из значений лексемы «дар», по данным СЦРЯ, является ‘особенная способность, ниспосланная от Бога’ [18, т. 1, с. 308], а одним из значений лексемы «душевный» — ‘сердечный, искренний’ [18, т. 1, с. 380]. Таким образом, данная замена не является эквивалентной оригиналу: создаётся подмена смыслов. В оригинальном произведении признаётся ум Джейн, а в переводе выделяются её искренность и честность. Так, Джейн Эйр отказывают в праве быть равной мужчине по уму.

В рефлексии Джейн Эйр по поводу того, с кем и чем ей лучше связать жизнь — с Рочестером или с преподаванием в сельской школе в северной Англии:

Оригинал	Перевод
8. «Whether is it better, I ask, to be a slave in a fool’s paradise at Marseilles — fevered with delusive bliss one hour — suffocating with the bitterest tears of remorse and shame the next — or to be a village-schoolmistress, free and honest, in a breezy mountain nook in the healthy heart of England?» [25, с. 457–458].	«Я хотела спросить: что лучше? Быть невольницей отуманенного безумца в Марсели и, после минутного блаженства, задыхаться от горьких слёз, вызванных угрызением и стыдом, или быть школьной учительницей, зарабатывающей свой честный хлеб в одном из отдалённых пределов северной Англии?» [3, т. 66, с. 233].

Переводчик пропускает лексему «free (свободная)» в английской четвёртой предикативной единице: «...or to be a village-schoolmistress, free and honest, in a breezy nook in the healthy heart of England?» (букв. Или быть учительницей в сельской школе, свободной и независимой, в северной горной местности, в уединённой части Англии). Важно подчеркнуть, что использование данного приёма является не совсем верным, т. к. сглаживаются акценты на внутренней свободе и независимости героини. При передаче размышлений героини переводчик опускает английское прилагательное «delusive», которое, по данным Словаря английского языка (DEL) [28, с. 191], толкуется как *apt to deceive* ‘склонный к обману’. Подобного рода изменение оригинального текста является не совсем верным, потому что нарушается градация, существующая в оригинале *delusive bliss one hour* / «минутное **лже**блаженство», особенно в сочетании с английским существительным *fool*. По данным DEL, одним из значений этого слова является «a buffoon» (шут) [28, с. 191]. Таким образом, есть связь с игрой, обманом, т. к. в старину в обязанности шута входило дурачить, развлекать господ и гостей.

Важно также подчеркнуть, что лексемы нормативной оценки *delusive* и *fool* являются по смысловому компоненту тавтологией, учитывая их перекрестный, смежный характер сем. Так, например, по сведениям DEL [28, с. 290] (как было указано выше) и по данным Словаря английского языка [26], лексема *delusive* означает: *apt to deceive* ‘склонный к обману, обманчивый’, *misleading* ‘вводящий в заблуждение’, *unreal* ‘нереальный’, *delusion* ‘бред’ (в значении — *an act or instance of deluding* ‘акт или случай обмана’, *a false belief or opinion* ‘ложное убеждение или мнение’).

Опираясь на информацию, полученную из этих же лексикографических источников, узнаём о *fool* следующее: *one to whom nature has denied reason; one of weak understanding; an idiot*. — Дурак, (дурак) н. ‘Тот, кому природа отказала в разуме; человек, имеющий слабое представление о чём-либо, идиот’; *a wicked man, a term of indignity and reproach*; — ‘злой человек, выражение унижения и упрека’; *to trifle; to idle; to sport* — ‘бездельничать, заниматься спортом’; *if someone fools you, they deceive or trick you, mislead (impose on), deceive* — ‘если кто-то дурачит тебя, обманывает, разыгрывает, вводит в заблуждение’; *In the courts of kings and queens in medieval Europe, the fool was the person whose job was to do silly things in order to make people laugh* — ‘при дворе королей и королев

в средневековой Европе дураком считался человек, чья работа заключалась в том, чтобы делать глупости, чтобы рассмешить людей, т. е. шут, потешник»; *fool is a dessert made by mixing soft cooked fruit with whipped cream or with custard* — ‘это десерт, приготовленный из мягких фруктов со взбитыми сливками или заварным кремом’.

Таким образом, опираясь на формулу молдавского академика лингвиста С. Г. Бережана, мы можем доказать близость между данными лексическими единицами:

$$V = \frac{2C}{m+n},$$

где C — число общих семантических компонентов, или значений двух слов, а m или n — число семантических компонентов, или значений каждой из этих лексем [1, с. 65].

Итак, поместив данные в формулу, приходим к следующим результатам:

$$V = \frac{2 \cdot 8}{5+12} = 0,94$$

Следовательно, из-за минимального семантического расстояния между вышеуказанными лексемами, мы и приходим к выводу о том, что встретили реализацию тавтологии в широком смысле. Это значит, что мы разделяем, вслед за А. П. Евгеньевой, «широкое» понимание данного типа семантической избыточности, которое включает в своё поле не только однокоренные сцепления, но и синонимические пары слов (*путь-дорога*) [5, с. 105].

Необходимо отметить, что при помощи графика представляется возможным выявить частотность употребления лексико-семантических вариантов исследуемых тавтологических оборотов, например, количественно доминирует в сигнификате *delusive* и *fool* — обман, нереальный, склонный к обману, дурачить, разыгрывать, обманывать, шут (в общей сложности встречается 7 раз). Это положение ещё раз манифестирует и объясняет причину однородности рассматриваемых номинаций нормативной оценки, а также демонстрирует развитость, «разветвлённость» лексемы *fool*, т. к. описывает разные способы обмана и добавляет увеселительный, развлекательный аспект (Таблица 1, Рис. 1).

Таблица 1.

Термины	Частота употребления		
	обман	дурак, идиот	вводить в заблуждение
delusive	3	0	1
fool	4	2	2

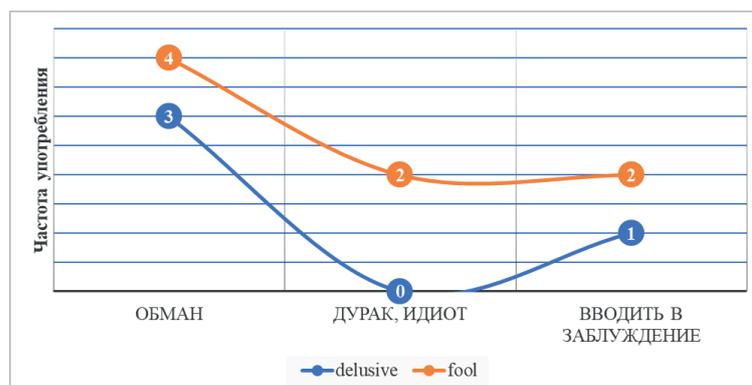

Рис. 1. График частотности

Характеризуя Рочестера как «безумца в Марсели», переводчик избавляется от описанной выше тавтологии, вводит прилагательное «отуманенный», которое в сочетании с существительным «безумец» (в знач. ‘поступающий против здравого рассудка’, по СЦРЯ) [18, т. 1, с. 41] создаёт иную градацию, усиление, т. к. одним из значений глагола «отуманить» является ‘приводить в сильное недоумение’ (СЦРЯ) [18, т. 1, с. 137]. В оригинале находим только лексему *fool*, которая, по данным DEL, означает ‘one to whom nature has denied reason’, т. е. ‘тот, кому природа отказала в здравом уме’ [28, с. 290].

Важно подчеркнуть, что переводчик при упоминании деятельности Джейн Эйр пропускает прилагательное «village» в сочетании с существительным *schoolmistress* (учительница в сельской школе), написав только «школьная учительница» в третьей предикативной единице сложносочинённого предложения: «...или быть школьной учительницей, зарабатывающей свой честный хлеб в одном из

отдалённых пределов северной Англии?» Данный пропуск мы считаем неоправданным, т. к. в этом случае не совсем полно отображается независимость героини от материальных благ, существующая в оригинале.

Помимо вышеуказанного, расширяется третья предикативная единица оригинала «...or to be a village-schoolmistress, free and honest, in a breezy mountain nook in the healthy heart of England?» (букв. Или быть учительницей в сельской школе, свободной и независимой, в северной горной местности, в уединённой части Англии) при помощи русской реалии «зарабатывающей свой честный хлеб»:

Оригинал	Перевод
35. «Whether is it better, I ask, to be a slave in a fool's paradise at Marseilles — fevered with delusive bliss one hour — suffocating with the bitterest tears of remorse and shame the next — or to be a village-schoolmistress, free and honest, in a breezy mountain nook in the healthy heart of England? [25, с. 457–458].	«...или, быть школьной учительницей, зарабатывающей свой честный хлеб в одном из отдалённых пределов северной Англии?» [3, т. 66, с. 233].

Это приближает данное произведение к русскому читателю.

Переводчик, говоря о нравственном выборе Джейн, использовал синтаксическую грамматическую замену: осуществил инверсию:

Оригинал	Перевод
48. «I feel now that I was right when I adhered to principle and law, and scorned and crushed the insane promptings of a frenzied moment. God directed me to a correct choice: I thank His providence for the guidance!» [25, с. 457–458].	«...но я благодарю судьбу , внушившую мне следовать предписаниям чести, общественных постановлений и нравственного долга. Сам Бог навёл меня на истинный путь!» [3, т. 66, с. 233].

В оригинале Джейн вначале убеждается в правильности своего решения следовать законам чести, потом говорит о том, что Бог помог ей выбрать, и только после этого благодарит его за его наставление. У И. И. Введенского Джейн сначала благодарит судьбу и только потом говорит о том, что «сам Бог навёл её на истинный путь». Таким образом, переводчик не столько перевёл данный фрагмент оригинального произведения, сколько пересказал его.

Описывая то, как Джейн решила распорядиться своей жизнью, И. И. Введенский опустил предикативную единицу *my husband needed them all*:

Оригинал	Перевод
16. «... I took her home with me. I meant to become her governess once more, but I soon found this impracticable; my time and cares were now required by another — my husband needed them all » [25, с. 572]. (букв. Я привела её домой. Я снова захотела стать ее гувернанткой, но вскоре я поняла, что это невозможно. Моё время и забота теперь нужны другому: мой муж нуждается во всём этом).	«...я взяла ее домой. Мне хотелось еще раз заступить для неё место гувернантки; но этот план оказался очень неудобным, потому что всё моё время и заботы были теперь исключительно посвящены моему супругу» [3, т. 66, с. 328].

Данный пропуск является не совсем корректным, т. к. переводчик преувеличивает зависимость, привязанность Джейн к Рочестеру. Возможно, это объясняется тем, что для переводчика было нужнее подчеркнуть важность для женщины быть за своим мужем. Так, жизнь Джейн становится практически собственностью Рочестера, предназначенной для того, чтобы придавать законченность и завершённость его существованию. В оригинале этого нет; подчёркивается равноправие, которое заключается во взаимозависимости Джейн и Рочестера.

Необходимо отметить, что брак для героини не является целью, смыслом жизни:

Оригинал	Перевод
17. «...I know what I feel, and how averse are my inclinations to the bare thought of marriage» [25, с. 492].	«Супружество, действительно, совсем не входит в расчёты моей жизни» [3, т. 66, с. 264].

В этом тоже проявляются независимость и прогрессивное мышление Джейн Эйр, т. к. она не разделяла взгляды на супружество как на единственную возможность организации жизни в социуме.

Представляется важным эмфазировать следующее положение: в приведённых выше трёх фрагментах оригинального дискурса актуализируется личное местоимение 1-го лица «I», что делает его по природе своей тавтологичным. Таким образом, происходит фиксация внимания на самости геро-

ини — её эгоцентричности, что, безусловно, важно, релевантно, т. к. подчёркивается «автомность» Джейн в принятии решений и управлении своей жизнью. Однако данное обстоятельство минует И. И. Введенским: количество использования местоимения 1 лица сокращается либо заменяется формой в косвенных падежах. Так, в переводе суверенность Джейн Эйр характеризуется дискретностью проявления.

Следовательно, вопреки всеобщему мнению, тавтология способна обладать логико-семантическими особенностями за счёт свернутости понятийного содержания, ограничения налагаемого на действительность; тавтологичное образование служит коротким «замыкающим элементом» в мотивной сети.

Проанализировав жизнь Джейн Эйр в оригинальном и переводном дискурсах, пропущенную через фильтр «нового времени», которое сопровождалось тем, что рушилась старая система жёстко фиксированных социальных, моральных, нравственных отношений, — одним словом, патриархальных взглядов (однако данные метаморфозы происходили неодинаково в двух ментальных картинах), мы выстраиваем два концептуально-когнитивных фрейма «Женщина» (Рис. 2, Рис. 3).

Выводы. Таким образом, вершинные узлы гиперфрейма «Woman» / «Женщина» — физические характеристики и свобода, формирующие ядро, а оставшиеся его конструкты представляют собой терминальные узлы, или слоты (подфреймы), составляющие периферию. Слоты верхнего порядка заполнены информацией, наиболее значимой при восприятии образа женщины в английском и русском языках. По мере снижения значимости описываемых компонентов, они становятся менее выделенными в сознании, постепенно приближаясь к нижнему порядку.

Сопоставительный характер концептуально-фреймового конструирования женской идентичности (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»), показал, что идентификация женщины в переводе И. И. Введенского характеризуется фаллологоцентрическим направлением, которое наиболее тесно связано с принципами доминирования и подчинения. Также необходимо актуализировать следующую мысль: имплементация, организация антропного фрейма «Женщина» в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» является больше общечеловеческим (андрогинным), чем привязанным к женскому (фемининному) аспекту, что мы собственно и наблюдаем у И. И. Введенского.

Следовательно, перевод художественного текста представляет собой речетворческую деятельность. Речь идёт о субъективном начале, позволяющем проследить за тем, как мысли автора и переводчика противопоставляются в рамках одного утверждения.

Таким образом, перевод представляет собой новое сообщение. В данном сообщении высказывается мнение самого переводчика, отличное от автора оригинального произведения. Это положение может быть обусловлено различными установками автора и переводчика. Целью автора является выразить себя через своё отношение к действительности. В свою очередь, приоритетным для переводчика должно быть понимание, почему демиург выразил именно такое отношение к окружающей его реальности, и передать это. При этом важно, чтобы писателя правильно интерпретировали. Однако И. И. Введенский зачастую нарушает золотое правило переводоведения: руководствуется собственным восприятием, пропускает фактическое содержание оригинала через призму собственного понимания и ценностей. Следовательно, он в той или иной степени становится другим автором. Это обстоятельство подтверждает антропоцентризм лингвистики и мнение Е. С. Кубряковой о двух его направлениях: во-первых, «человек в языке» выступает в роли носителя сознания и транслятора культур; во-вторых, «язык в человеке» является мерой всех вещей в языке и культуре [8, с. 199].

Так, «следы» языковой личности, которая является национально-культурным прототипом носителя определенного языка, обнаруживаются и в переводе романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», осуществлённым русским педагогом, переводчиком, историком литературы И. И. Введенским.

Кроме этого, тавтология / плеоназм сыграли важную роль в передаче особенностей когнитивной составляющей двух языковых картин мира, т. к. обладают сжатым понятийным содержанием, представляют собой редуцированные единицы, разрешающие результат правильного выбора (значения) указанных типов семантической погрешности (в зависимости от контекста) превратить в нечто, т. е. в десемантизацию избыточности. Другими словами, тавтология и плеоназм претендуют на статус и функцию симулякра — имитации несуществующего.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы. В дальнейшем планируется проанализировать переводы романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», охватывающие XX и XXI вв. Так мы сможем доказать или опровергнуть «зависимость» переводчика от определённого гендера. Мы продолжим также акцентировать внимание на элементы семантической избыточности (в рамках оригинального и переводного дискурсов), так как тавтология и плеоназм, в силу свёрнутости понятийного аппарата, могут являться репрезентантами языковой картины мира.

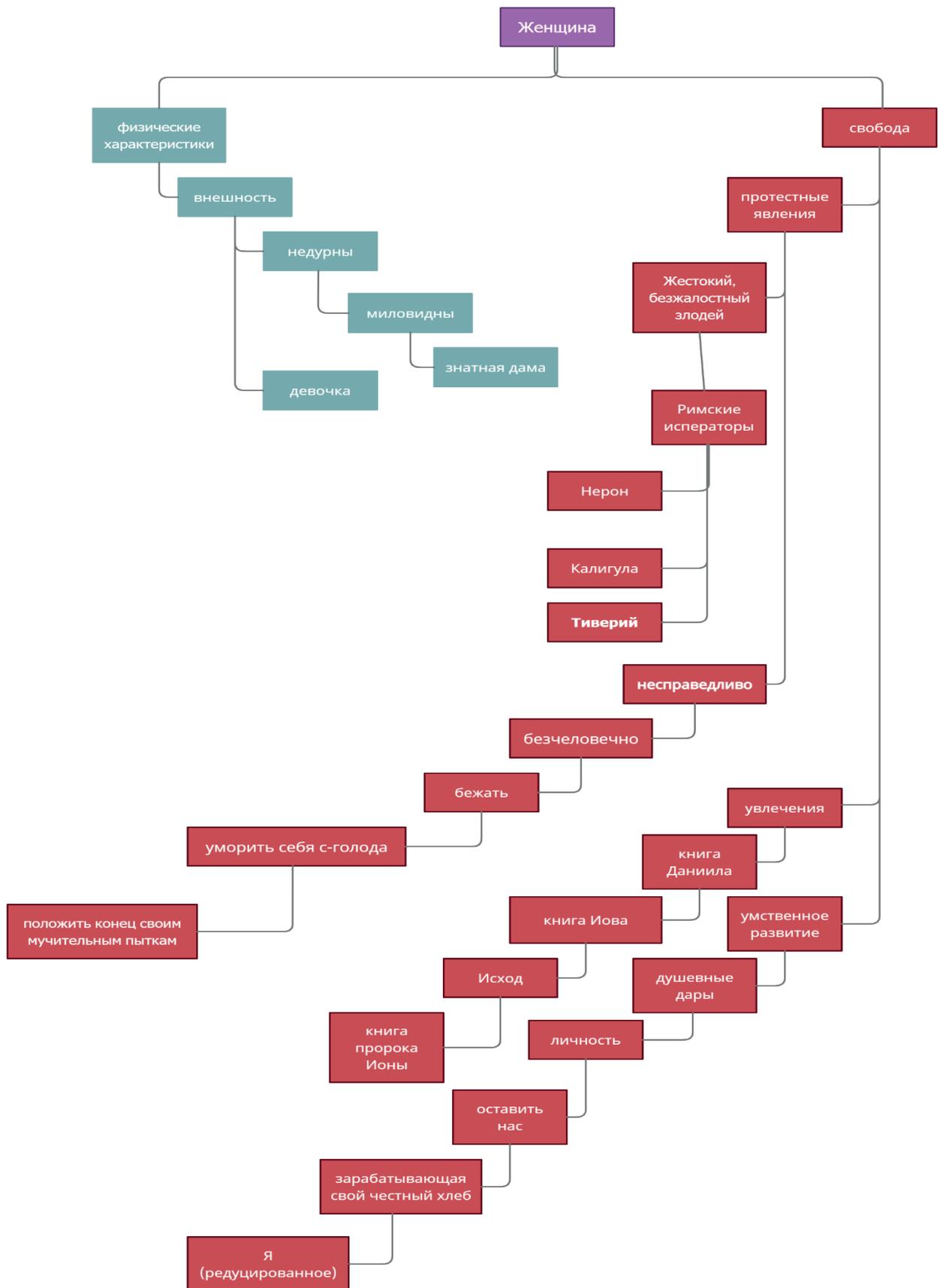

Рис. 3. Структура фрейма «Женщина»

Л и т е р а т у р а

1. Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинёв : Штиинца, 1973. 372 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. О. А. Печёнкина. Тула : Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
3. Введенский И. И. Дженни Эйр. Роман. *Отечественные записки*. Санкт-Петербург : Тип. И. Глазунова и Комп., 1849. Т. 64. С. 175–250. Т. 65. С. 67–158, 179–262. Т. 66. С. 65–132, 193–330.
4. Вершинина Д. В. Воспитание и манеры английских леди XVIII–XIX вв. *Вестник Пермского университета. История*. Пермь, 2010. № 2. С. 93–97.
5. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1963. 348 с.
6. Зайцев Д. В. Бытие. *Православная энциклопедия*. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. VI. С. 412–428.
7. Кареев Н. И. Учебная книга истории средних веков. 1903. URL : <http://rushist.com/index.php/tutorials/kareev-tutanc/1035-dinastiya-yuliev-klavdiev> (дата обращения 15.04.2019).
8. Костомаров П. И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Кемерово, 2014. № 1–2 (58). С. 198–203.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва : Гнозис, 2002. 284 с.
10. *Краткий словарь когнитивных терминов* / под ред. Е. С. Кубряковой. Москва : МГУ, 1997. 245 с.
11. Крыкова И. В. Суфражизм как политическое направление феминизма. *Аналитика культурологии*. Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. № 13. С. 1–5.
12. Минский М. Фреймы для представления знаний. Москва : Энергия, 1979. 151 с.
13. Мурашова Л. П. Средства выражения концептуально-когнитивного фрейма «Woman». *Язык и культура*. Томск : Томский гос. ун-т, 2015. № 2. С. 76–83.
14. Парахонько Л. В. Особенности перевода англоязычной литературы на русский язык в период «нового времени» (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр») : квалификационная работа на степень магистра. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. 89 с. URL : <https://sowa.ru.com/item-work/2019-38/>
15. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва : АСТ : Восток-Запад, 2010. 314 с.
16. Проскурнин Б. М. Новый человек и новое время в романе Шарлотты Бронте «Джен Эйр». *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. Пермь, 2009. Вып. 4. С. 51–62.
17. Рыжов К. Все монархи мира. Древняя Греция. Древний Рим. Византия. Москва : Вече, 2001. 656 с.
18. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1847.
19. Соломон. *KEЭ*. Т. 8. URL : <http://www.eleven.co.il/article/13893> (дата обращения 15.04.2020).
20. Столярова Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов. Киев : Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. 192 с.
21. Суржанская Ю. В. Индивидуальные и культурные концепты : общее и различное. *Язык и культура*. Томск, 2011. № 3 (15). С. 87–93.
22. Царей книга. *KEЭ*. Т. 9. URL : <http://www.eleven.co.il/article/14590> (дата обращения 15.04.2016).
23. Эпштейн М. Теология Книги Иова. *Звезда*. Санкт-Петербург, 2006. № 12. С. 191–198.
24. Biblia sau Sfînta scriptură a vechiului și noului testament cu trimeteri. România, 1992. 1227 p.
25. Bronte Ch. Jane Eyre. London–New York–Toronto : Oxford University Press, 1848.
26. Collins dictionaries. 2021. URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/delusive> (дата обращения 29.03.2021).
27. Merriam-Webster. 2017. URL : <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 22.05.2017).
28. Johnson S., Walker J., Jameson R. S. A Dictionary of the English Language. 2nd ed., rev. and cor. London : William Pickering, 1828. 850 p. URL : http://www.lexilogos.com/english/english_modern_early.htm (дата обращения 29.12.2020).

References

1. Berejan, S. G. (1973), *Semantic equivalence of lexical units* [*Semanticheskaya ekvivalentnost' leksicheskikh edits*], Știința, Chisinau, 372 p.
2. Baudrillard, J. (2013), *Simulacra and simulation* / Transl. from the French by O. A. Pechenkina [*Simulyakry i simulyatsiya*], Tul'skiy poligrafist Publishing house, Tula, 204 p.
3. Vvedensky, I. I., translator (1849), “Jenny Eyre : Novel” / transl. from English to Russian, *Notes of the Fatherland* [“Dzhenni Eyr : Roman”, *Otechestvennye zapiski*], I. Glazunov and Comp. Printing house, St. Petersburg, vol. 64, pp. 175–250; vol. 65, pp. 67–158, 179–262; vol. 66, pp. 65–132, 193–330.
4. Vershinina, D. V. (2010), «The education and manners of English ladies of the 18th–19th centuries», *Perm University Herald. History* [«Vospitanie i manery angliyskikh ledi XVIII–XIX vv.»], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, State Perm University Publishing House, Perm, vol. 2, pp. 93–97.
5. Evgen'eva, A. P. (1963), *Essays on the language of oral Russian poetry based on records of the 17th–20th centuries* [*Ocherki po yazyku russkoy ustnoy poezii v zapisyah XVII–XX veka*], USSR Academy of Sciences Publishing House, Moscow&Leningrad, 348 p.
6. Zaytsev, D. V. (2003), «Existence», *Orthodox encyclopedia : in 61 (75) volumes* [«Bytie», *Pravoslavnaya entsiklopediya : v 61 (75) t.*], Church Science Center «Orthodox encyclopedia», Moscow, vol. 6, pp. 412–428.
7. Kareev, N. I. (1903), «*Educational book of the history of the Middle Ages*», available at: <http://rushist.com/index.php/tutorials/kareev-tutanc/1035-dinastiya-yuliev-klavdiev> (Accessed 15.04.2019).
8. Kostomarov, P. I. (2014), «Anthropocentrism as the most important feature of modern linguistics», *Bulletin of the Kemerovo State University* [«Anthropocentrism kak vazhneyshiy priznak sovremennoy lingvistiki», *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*], Kemerovo, No. 1–2 (58), pp. 198–203.
9. Krasnykh, V. V. (2002), *Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics* [*Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya*], Gnosis Publishing house, Moscow, 284 p.

10. *A short dictionary of cognitive terms* (1997) [*Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*], ed. E. S. Kubryakova, Moscow State University Publishing house, Moscow, 245 p.
11. Krykova, I. V. (2009), «Suffragism as a political direction of feminism», *Analytics of cultural studies* [«Sufrazhizm kak politicheskoe napravlenie feminizma», *Analitika kul'turologii*], Derzhavin Tambov State University, Tambov, vol. 13, pp. 1–5.
12. Minsky, M. (1979), *Frames for Knowledge Representation* [*Freymy dlya predstavleniya znaniy*], Energy, Moscow, 151 p.
13. Murashova, L. P. (2015), «Means of expressing the conceptual-cognitive frame «Woman»», *Language and Culture* [«Sredstva vyrazheniya konceptual'no-kognitivnogo freyma «Woman», *Jazyk i kul'tura*], Tomsk State University, Tomsk, issue 2, pp. 76–83.
14. Parahonco, L. V. (2017), *Peculiarities of translation of English-language literature into Russian in the period of «modern times» (based on the novel by Ch. Brontë «Jane Eyre»): qualification work for a master's degree* [*Osobennosti perevoda angloyazychnoy literatury na russkiy yazyk v period «novogo vremeni» (na materiale romana Sh. Bronte «Dzheyn Eyre»): kvalifikatsionnaya rabota na stepen' magistra*], St. Petersburg State University, St. Petersburg, 89 p.
15. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2010), *Cognitive linguistics* [*Kognitivnaya lingvistika*], AST : Vostok-Zapad Publishing house, Moscow, 314 p.
16. Proskurnin, B. M. (2009), «New person and new time in the novel by Charlotte Brontë «Jane Eyre»», *Perm University Bulletin. Russian and foreign philology* [«Novyy chelovek i novoe vremya v romane Sharlotty Bronte «Dzheyn Eyre»», *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*], Perm, issue 4, pp. 51–62.
17. Ryzhov, K. (2001), *All the monarchs of the world. Ancient Greece. Ancient Rome. Byzantium* [*Vse monarkhi mira. Drevnyaya Gretsziya. Drevniy Rim. Vizantiya*], Veche Publishing house, Moscow, 656 p.
18. *Dictionary of Church Slavonic and Russian languages* : in 4 volumes (1847) [*Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* : v 4 t.], Printing house of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg.
19. «Solomon», *A Brief Jewish Encyclopedia* (2017) [«Solomon», *Kratkaya evreyskaya entsiklopediya*], vol. 8, available at: <http://shhshshh.eleven.co.il/article/13893> (Accessed 15.04.2020).
20. Stolyarova, L. P., Prystaiko, T. S., Popko, L. P. (2003), *Basic dictionary of linguistic terms* [*Bazovyy slovar' lingvisticheskikh terminov*], Publishing house of the State Academy of leading personnel of culture and arts, Kiev, 192 p.
21. Surzhanskaya, Yu. V. (2011), «Individual and cultural concepts : common and different», *Language and culture* [«Individual'nye i kul'turnye koncepty : obshchee i razlichnoe», *Yazyk i kul'tura*], Tomsk State University, Tomsk, issue 3 (15), pp. 87–93.
22. «Book of Kings», *A Brief Jewish Encyclopedia* (2017) [«Tsarey kniga», *Kratkaya evreyskaya entsiklopediya*], vol. 9, available at : <http://shhshshh.eleven.co.il/article/14590> (Accessed 15.04.2016).
23. Epshtein, M. (2006), «Theology of the Book of Job», *Zvezda / Star* [«Teologija Knigi Iova», *Zvezda*], Moscow, issue 12, pp. 191–198.
24. *The Bible or Holy Scripture of the Old and New Testaments with references* (1992) [Biblia sau Sfinta scriptură a vechiului și noului testament cu trimeteri], Romania, 1227 p.
25. Bronte, Ch. (1848), *Jane Eyre*, Oxford University Press, London–New York–Toronto.
26. *Collins dictionaries*, (2021), available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/delusive> (Accessed 29.03.2021).
27. *Merriam-Webster* (2017), available at: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed 22.05.2017).
28. Johnson S., Walker J., Jameson R. S. (1828), *A Dictionary of the English Language*, 2nd ed., rev. and cor. William Pickering (ed.), London, 850 p. Available at : http://www.lexilogos.com/english/english_modern_early.htm (Accessed 29.12.2020).

ПАРАХОНЬКО Людмила В'ячеславівна,

асистентка кафедри славістики Бельського державного університету імені А. Руссо; вул. Пушкіна, 38, м. Бельці, 3100, Молдова; тел.: +373 78690238; e-mail: parakhonko91@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7010-3107.

ЗІСТАВНИЙ АНАЛІЗ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ФРЕЙМОВОГО КОНСТРУЮВАННЯ ЖІНОЧОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЕЙР»)

Анотація. *Мета* статті — провести зіставний аналіз концептуально-фреймового конструювання жіночої ідентичності на матеріалі роману Ш. Бронте «Джейн Ейр». *Об'єкт* аналізу — акцентування концептуально-когнітивного фрейму «Ідентичність жінки» в англійській і російській лінгвокультурах. *Предмет* аналізу — зіставний аналіз оригінального і перекладеного текстів. У роботі використано *методи* контрастивного та контекстуального аналізу. *Результатом* проведеного дослідження є розгляд амбівалентності у ставленні до жіночої ідентичності, яку сприймають як закріплення жіночого індивіда за певною особистісною і соціальною позицією, підкреслена важливість тавтологічних і плеонастичних компонентів, що виражають певні смисли, виявлено проблематичний аспект дослідження, окреслено перспективи рішень. *Висновки.* Переклад роману «Джейн Ейр» відображає мовну свідомість І. І. Введенського, яка відрізняється від досвіду і знань автора оригінального твору. Це дає змогу ідентифікувати мовну особистість самого перекладача, що вважається неприйнятним, бо переклад спотворює розуміння жіночої суті, домисел перекладача частково нівелює задум автора. *Практичне застосування* результатів роботи полягає в тому, що вони можуть знайти використання в курсах з лінгвокультурології, теорії перекладу, у практиці перекладацької діяльності.

Ключові слова: концептуально-когнітивний фрейм, жіноча ідентичність, тавтологія, плеоназм, оригінальний і перекладений тексти, Шарлотта Бронте, роман «Джейн Ейр».

Liudmila V. PARAHONCO,

Assistant of the Department of Slavic Studies, Alecu Russo Bălți State University; 38 Pushkin Str., Bălți, 3100, Moldova; tel.: +373 78690238; e-mail: parakhonko91@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7010-3107.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL-FRAME CONSTRUCTION OF FEMALE IDENTITY
(ON THE MATERIAL OF THE NOVEL CH. BRONTË «JANE EYRE»)**

Summary. The *purpose* of the article is to conduct a comparative analysis of the conceptual-frame construction of female identity (based on the novel by Charlotte Brontë «Jane Eyre»). The *object* of the analysis is the accentuation of the conceptual and cognitive frame «Woman's Identity» in English and Russian linguoculture. The *subject* of the given research is a comparative analysis of the original and translated texts. The *method* of contrastive analysis and the method of contextual analysis were used in the work. The *result* of the study is the consideration of ambivalence in relation to female identity, which is perceived as the consolidation of the female individual to a certain personal and social position, the importance of tautological and pleonastic components expressing certain meanings is emphasized, the problematic aspect of the study is identified, and the prospects for solutions are outlined. **Findings.** The translation of the novel «Jane Eyre» reflects the linguistic consciousness of I. I. Vvedensky, which differs from the experience and knowledge of the author of the original work. This position allows us to identify the linguistic personality of the translator himself, which is considered an unacceptable factor, since the understanding of the feminine essence is distorted in the translation, so the translator becomes more than the author. The *practical value* of this work is that its results can be used in courses on cultural linguistics, translation theory.

Key words: conceptual-cognitive frame, female identity, tautology, pleonasm, original and translated texts, Charlotte Brontë, novel «Jane Eyre».

Статтю отримано 6.05.2021 р.

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237856

УДК 811.161.2'233'367.623'38

РОМАНЧЕНКО Алла Петрівна,

доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри української мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 067 9252016; e-mail: apromanchenko@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-6870-2429

**ВЕРБАЛЬНА МЕРЕЖА КЛЮЧОВИХ АД'ЕКТИВІВ У СТРУКТУРІ МОВНОЇ
ОСОБИСТОСТІ НАТАЛКИ ДІДЕНКО**

Анотація. *Мета* пропонованої розвідки — розкрити семантико-функційну специфіку стрижневих слів (*кліматичний, метеорологічний, прогностичний, синоптичний*), що репрезентують метеорологічний дискурс і відбивають фрагмент його вербальної мережі. *Об'єктом* дослідження є вербально-семантичний рівень мовної особистості синоптика Наталки Діденко, а його *предметом* — вербальна мережа відсубстантивних ад'єктивів. *Джерельною базою* дослідження послугували тексти прогнозів погоди, представлені в соцмережі «Фейсбук» на персональній сторінці Наталки Діденко — головного медіасиноптика країни. У роботі використано компонентний, контекстуально-інтерпретаційний, граматичний аналіз як основні *методи* дослідження особливостей функціонування базових ад'єктивів. *Результатом* вивчення описуваної проблеми є доведення, що семантична структура відсубстантивних ад'єктивів у метеорологічному дискурсі зазнає розширення завдяки нашаруванню семантико-стилістичних відтінків на атрибутивну семантику. **Висновки.** Вербальна мережа метеорологічного дискурсу містить стандартні ад'єктивно-субстантивні словосполучення, що є ядром прогнозу погоди, та авторські утворення, котрі організують його периферію. Останні створюють неповторну атмосферу спілкування, віддзеркалюють творчу натуру мовної особистості синоптика в метеорологічному дискурсі, слугують маркером, що привертає увагу читачів. Найбільшу частотність використання в прогнозах погоди має ад'єктив *синоптичний*, який є активним у фразеотрансформах. Ад'єктив *метеорологічний* функціонує переважно як елемент складних іменників, що й становить його специфіку. Ад'єктиви *кліматичний* та *прогностичний* обмежено поширені в метеодискурсі з огляду на їхню вузьку сполучуваність і більшу затребуваність у складі терміносполук. Вербальна мережа досліджуваного дискурсу Наталки Діденко охоплює стандартні та оказіональні словосполучення, де кожен тип виконує відповідну функцію (номінативну, емоційну, прагматичну).

Ключові слова: мовна особистість, ад'єктив, метеорологічний дискурс, прогноз погоди, Наталка Діденко, ядро, периферія.

Постановка проблеми. У класичній моделі мовної особистості вербальна мережа репрезентує відношення на вербально-семантичному рівні [5, с. 97–98]. Стереотипами вказаного рівня є стандартні словосполучення, до яких уналежнюємо ті, що містять ад'єктиви, об'єктивовані в метеорологічному дискурсі. Актуальність дослідження названих стереотипів зумовлена їхньою специфікою з огляду на самотутність мовної особистості синоптика.